

Скажи мне, что ты собираешься сделать со своей единственной сумасбродной и драгоценной жизнью?

Мэри Оливер. Летний день

Трудно представить себе время до них, мир, в который они еще не пришли.

Но когда их только обнаружили в марте, никто и вообразить не мог, что делать с этими странными маленькими коробочками, которые появились вместе с весной.

Любая другая коробка на каждом этапе жизни имела четкое значение, предполагала определенный порядок действий. В обувной коробке лежала новая блестящая пара туфель, которую полагалось надеть в первый школьный день. Коробки с красной лентой, концы которой были искусно завиты с помощью ножниц, предназначались для подарков. А еще были крошечные футляры для заветного украшения с бриллиантом и большие картонные коробки для переезда, заклеенные скотчем, подписанные от руки и загруженные в грузовик. Даже тот последний ящик, покоящийся под землей, крышка которого, закрытая однажды, никогда не будет открыта, — тоже коробка.

Все они казались знакомыми, понятными, даже ожидаемыми. У каждой свое предназначение и место, они удачно вписывались в привычный образ жизни.

Но эти коробки были другими.

Они появились в начале месяца, в обычный день, под обычной луной, слишком рано, чтобы свалить все на мартовское равноденствие.

И пришли ко всем — ко всем сразу.

Миллионы и миллионы маленьких деревянных сундучков — по крайней мере, такими они казались на вид — появились за одну ночь в каждом городе, в каждом штате, во всем мире.

Шкатулки обнаружили на аккуратно подстриженных газонах в пригородах, между живыми изгородями и первыми цветами гиацинта. Они стояли в городах на хорошо утоптанных половиках рядом с дверями, через порог которых десятилетиями переступали жильцы. Они опускались в теплый песок возле шатров в пустыне и ждали адресатов возле одиноких домиков на берегу озера, собирая росу под дуновением ветра с воды. В Сан-Франциско и Сан-Паулу, в Йоханнесбурге и Джайпуре, в Андах и на Амазонке не осталось ни одного места и человека, которого не отыскали бы коробки.

Было что-то одновременно успокаивающее и тревожное в том, что каждый взрослый человек на Земле вдруг,казалось, приобщился к одному и тому же сюрреалистическому опыту: вездесущность коробок несла одновременно ужас, и облегчение.

Во многих отношениях это общий опыт. Коробки были практически идентичны. Все темно-коричневые с красноватым оттенком, прохладные и гладкие на ощупь. И на каждой на родном языке получателя было начертано простое, но загадочное послание: «Мера твоей жизни лежит внутри».

Внутри каждой лежала нить, скрытая серебристо-белым лоскутом тонкой ткани, так что даже те, кто поднимал крышку, получали возможность дважды подумать, прежде чем посмотреть, что под ней находится. Как будто сама коробка предупреждала адресата, пытаясь защитить от наивного желания немедленно сорвать обертку. Как будто она просила остановиться, обдумать следующий шаг. Потому что назад пути не будет.

В сущности, коробки различались только по двум пунктам.

На каждом маленьком сундучке было написано имя адресата, и все нити под лоскутками ткани были разной длины.

Но когда в марте этого года прибыли первые посылки, вызвавшие страх и неразбериху, никто не понял, о какой «мере» шла речь.

По крайней мере, пока.